

За чужими
окнами

Читайте повести и рассказы
Марии Метлицкой
в серии «За чужими окнами»

Наша маленькая *жизнь*

То, что *сильнее*

Машкино *счастье*

Беспокойная жизнь
одинокой женщины

Второе *дыхание*

Испытание
медными трубами

Всем *сестрам...*

И шарик *вернется...*

Мария
Метлицкая

После ИЗМЕНЫ

рассказы и повести

Москва
2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Иллюстрация на обложке *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 После измены : рассказы и повести / Мария Метлицкая. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (За чужими окнами. Проза М. Метлицкой и А. Борисовой).

ISBN 978-5-699-73925-7

Что может быть ужаснее предательства близкого человека? Того, кто был рядом много лет, с которым прошли через все трудности и испытания, вырастили ребенка? Как смириться с тем, что он полюбил другую?

Ирина, героиня книги Марии Метлицкой, в первую очередь мучается от того, что не может простить мужа, не может начать все сначала, сделать вид, что ничего не было. Все вокруг говорят, что «поход налево» — дело житейское, что все мужчины изменяют, и многие ее подруги, соседки, приятельницы прошли через этот ад, кто-то с большими, кто-то с меньшими потерями. Но Ирина, как ни старается, не может примерить их опыт на себя.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2013
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017
ISBN 978-5-699-73925-7

*После
 измены*

Измену можно простить, а обиду нельзя.
Неверность прощают, но не забывают.

Анна Ахматова

Жизнь не кончается, жизнь продолжается. Никто не умер, и даже никто не болеет. Все через это прошли, все пережили. У кого-то бывало и похуже. А чем ты лучше других? Почему тебя это не должно было коснуться? И так прожила как сыр в масле почти до пятидесяти. И что, наивная, думала, что эта история не про тебя? Ничего. Проглотишь.

Скажи еще спасибо, что так. Что не ушел, не оставил на улице. Не завел ребенка. В ногах ведь валяется! Не знает, как тебе угодить. Как прощение вымолить. Смотри, не увлекайся! Ума-то не хватает вовремя остановиться! Чем больше он перед тобой стелется, тем больше ты кривишься. Меру-то знать надо! Ведь и ему надоест! Терпение-то границу знает! Подберут — не заметишь, и еще в ножки поклонятся, не сомневайся. Он обеспеченный пятидесятилетний мужик, не толстый, не лысый. Здоровый, между прочим. Волосы с сединой, глаза голубые. Спортом занимается. Не пьет и не курит. Остроумный, кстати. Джаз обожает. Книжки читает. Ты сама любишься, когда он из своего высоченного джипа выскакивает,

легко, как мальчишка. Ну, не любишься — любовалась.

А ты? Посмотри в зеркало! Посмотри! Только не так, как ты любишь, — в спальне, с приглушенным и теплым светом, да еще и к вечерку. А по-честному посмотри! С утречка! Отдерни тяжелые шторы! И без крема французского, без румян! Лучше — если солнышко в окне. Вот и посмотри, поразглядывай. А то — все мы умные. В зеркало — только после масочки японской и тонального крема.

Да! На весы еще встань! Достань их из кладовки, достань! А то далеко припрятала! Умная какая! Правду никто не любит. Зачем она, эта правда? Какой в ней смысл?

Еще отмени всех своих косметичек, массажисток, парикмахеров. Всех, на кого он так щедро денежки дает, не жалеет. Тряпки свои отмени — солидные, недешевые. Сплошные бренды. Туда же туфельки и сумочки. А сверху, на эту кучку, шубки брось. Три? Или четыре? Ключи от машинки своей шустрой, японской на тумбочку рядом положи. И в метро, матушка. В метро. На рынок оптовый — там дешевле. Там и кофточку подберешь, и колбаски прихватишь. И с сумкой на колесиках к дому. Тебе ведь тяжелое нельзя таскать? У тебя ведь спинка слабая?

И про курорты свои забудь, и про теплые моря. И про отели — не ниже пяти звезд, ни-ни.

На дачу, к маме. Станция Дорохово. А что? Прекрасные места. Лес, пруд. Шесть соток и щитовой домик. Туалет, правда, на улице... Но зато — печка. И воздух, воздух! Да, электричкой почти два часа.

А ты как думала? Это не твоя дача — двенадцать километров от Окружной, газ, два туалета — все, как положено.

Не хочешь? И кстати, это не потому, что он подлец и всего тебя лишил. Нет. Он не подлец. Это ты у нас — гордая. В смысле — ничего от него, предателя, не надо. Ничего-ничего. Совсем.

Хорошо подумала? Крепко?

Ну и как? Нравится? Не очень, правда? Но ты не признаешься. Никому и никогда. Даже — себе. Себе в первую очередь!

Ладно. Все. Хватит. Умные все. Рассудительные. Советчики. Чужую беду рукой... Что проще?

Это для вас — рукой. А для меня... А для меня — вся жизнь, вся жизнь... Вкось и вкривь, на триста шестьдесят градусов. С ног сбил. Так сбил, что на карачках ползу.

У всех, говорите, бывает? Все через это прошли? Все продолжают жить и даже радоваться жизни? А что вы про их личный ад знаете? Про черную пропасть, яму без дна? Когда хочется только одного — утром не проснуться. Исчезнуть с лица земли. Нет тебя — и славно. Всем легче. Ничего не надо решать, не надо вести долгих и тягостных разговоров. Не надо ничего объяснять, не надо оправдываться и просить прощения. Ничего не надо. Даже делить квартиру.

Тебя нет. Тебя нет, а жизнь-то есть, никуда не делась. И все так же хотят есть, пить, спать, по-

купать хорошую обувь и ездить в далекие страны. Только хотят они всего этого без тебя. Ты — только помеха, докучливая, лишняя, утомительная. С тобой надо еще разобраться. Что-то решить.

Нет! Не надо со мной разбираться! Пожалуйста, не надо! У меня только одна просьба — оставьте меня в покое! Ну пожалуйста! Я отсижусь в своей норе. Как мне там будет — не заботьтесь. Только не надо мне звонить! Ни в дверь, ни на домашний, ни на мобильный! ПОЖАЛУЙСТА! Я вам клятвенно обещаю — я буду жива и здорова. Ну или почти здорова и почти жива. Рук на себя не наложу и из окна не выскочу. Не дождетесь. Подобных неприятностей вам не доставлю. Я не люблю, когда обо мне много говорят, тем более в таком, прямо скажем, малоприятном контексте. Ну и потом — есть мама. Разве я могу сделать ей такое? И Анюте, дочери, зачем лишние слезы, в ее-то положении! Не приведи господи! Или я не мать?

Я понимаю — вы все очень переживаете. Очень. Я для вас не чужой человек — дочь, мать, подруга, сестра. Вы все очень искренни в своих желаниях — помочь, ободрить, утешить. Еще раз все перемолоть. С подробностями.

Вы не понимаете только одного. Мне всего этого не надо. Ведь все люди разные, правда? Ну не могу я часами перетирать все это по телефону или сидя на кухне за сто пятой чашкой кофе!

Мне больно! Вы просто поймите это и избавьте меня от своего участия! Всё, всё. Ни советов, ни ваших впечатлений.

Все. Закрываю дверь. Дальше — я сама.

* * *

И правда, если подумать, жизнь прошла без особых потрясений. Нет, всякое, конечно, было, но если в целом... Если сравнивать с другими...

Семья родителей — вполне благопристойная: папа — инженер, мама — зубной врач. Достаток средний. Нет, все же выше среднего, потому что хороший дантист — это редкость. А мама была отличным врачом, терпеливым и тщательным, даже при карательной совковой стоматологии. Лечила всегда с уколom, к ней стояла очередь, толпы желающих. Ну и соответственно подарки и связи — в аптеке, гастрономе и билетной кассе. Все хотели ей угодить. Нет, денег не брала, тогда мало кто брал. К тому же поликлиника ведомственная, стукнут в пять минут.

Папа тихо сидел в своем КБ. Зарплата так себе, но хватало на все: и на курорты, и на театры, и на красивые платья нам с сестрой Галкой. Сестра — подружка, три года разницы. По полночи шептались. Конечно, иногда цапались — не без того, но все же жили дружно, никаких скандалов. Квартира кооперативная, машина «Жигули», дача. Мы с Галиной занимались музыкой и

учились в английской школе. Одним словом, все как у людей.

Потом институт. Первая любовь — не совсем удачная, не без слез. А какая первая любовь без слез и страданий? Без выдумок и глупых ночных стишков? Прошла, слава богу. А потом, через полгода, очень быстро — стремительный, яркий и взрослый роман и — замужество. И все опять, как положено: свадьба в ресторане, белая «Волга» с пупсом на капоте, платье с кружевом в пол, фата. Родители молодых довольны — один круг, одни интересы. Никакого мезальянса, ни-ни. Детки-то разумные, не зря столько вложено, не огорчили. А что студенты — так это ничего, чем могли, помогали — родные ведь детки! Купили кооператив сообща, ремонт, обстановка. Живите в любви и согласии!

Так и жили. Окончили институт, пошли работать, родили дочку. Свекровь — золотая женщина — взяла внучку на себя. Какой там садик! Мы приходили с работы — дома чисто, ужин на плите, дочка обстирана, накормлена и выгулена. Свекровь чмокала деток и выскальзывала за дверь. Отдыхайте! Наслаждайтесь друг другом!

Отдыхали и наслаждались. Денег хватало не всегда, но родители подбрасывали. Мама привозила дефицитные продукты, доставала шмотки. Все друг друга любили и уважали.

А мне завидовали. Таких гладких и благополучных было немного. У всех кипели страсти, перед всеми стояли неразрешимые проблемы,

от личных до материальных. Стерва свекровь, совместное проживание с родителями, садовый, вечно болеющий ребенок, драные сапоги, битва за кусок колбасы и шматок черного мяса.

А еще — пьющие и неверные мужья, заслуживающие только одного: от них можно и нужно гулять и гулять. Брать, хватать от жизни все, пока молода и хороша собой. Нет, были, разумеется, и истинные страсти, настоящие, пылкие романы. У подруг, у коллег. Я видела их безумные воспаленные глаза, тревожные взгляды на телефонную трубку, бесконечное вранье — мужу, любовнику, детям, маме, себе. Смотрела и думала: «Спасибо, господи! Спасибо, что все это происходит не со мной! Что я избавлена от этого кошмара и ужаса. Я бы так не прожила и недели. Свихнулась. Чокнулась. Помешалась. Какая там радость, какое счастье? Чередка проблем, лжи и самообмана».

А потом? Когда все кончалось? Слезы, истерики, клиника неврозов. Бездна испорченные отношения в семье, сложности с ребенком. А если и благополучный исход, в смысле — развод и последующий брак с любимым, то через год или два — все то же: козел, дурак, зарплату зажимает, пьет пиво у телевизора, торчит в выходные в гараже. «С моим сыном отношения не сложились — конечно, ребенок-то не родной! А к своей дочурке бегают каждую субботу. Подарки таскает, — жаловалась сослуживица. — А еще и обедает у бывшей и борщок ее нахваливает. Я ему: «Ну и

вали, блин!» А он крутит пальцем у виска и говорит: «Ну ты и дура!» Оскорбляет! А я — в ответ. Что я, таких слов не знаю? И пошло-поехало. Трепет, страсть, нежность — где вы, ау? Все то же самое. А может, и хуже. Там хоть папаша был родной, дитя не гнобил».

Я иногда думала: «Я что, счастливая? Удачливая? Или мне все это по заслугам? Ну, должны же быть на свете благополучные люди? Не всем же быть несчастными? Значит, я попала в их число. По заслугам, не по заслугам — какая разница. Просто у меня такая судьба. Такая планида. Уж извините. Да и живу я чисто — не ворую, не вру, чужих интересов не заедаю».

А подружки продолжали пылать в огне страстей.

Вон Людка, школьная подружка. Вышла замуж в восемнадцать, через три месяца родила дочку, через шесть ушла от мужа. Сказала — ошибка юности. Потом еще одна ошибка. Уже молодости. Второй брак, второй развод. Далее — ошибка зрелости. Увела мужика от троих детей. Жена его резала вены. Спасли, слава богу. Родила от этого многодетного еще дочку. Пожили-пожили — разбежались. Он вернулся к прежней жене. Теперь вены вскрыла Людка. Хорошо, что неумело — опыта мало. Выжила. Оклемалась и закрытила с мальчиком двадцати лет. Мальчик этот у нее ремонт делал, спал на раскладушке в коридоре. Дом далеко, в Белоруссии, в глухом бору.

Потом перебрался в Людкину спальню — просторнее и воздуха больше. Людка говорит, что она счастлива — пользуется его по назначению. В любовь больше не верит, только потерянное в боях здоровье восстанавливает. Белорус для этого в самый раз.

Врет, потому что ревнует, даже к дочке. Скандалы устраивает, грозит, что на улицу его выгонит. А он отвечает, что не боится. Дерзит. Говорит, мол, баб одиноких полно — и богаче, и моложе, чем Людка. Людка язык и прикусывает.

Или Анька Сайкина, подружка с институтской скамьи. Умница, богатая и успешная, собственная фирма по производству рыбных деликатесов. Спит со своим водителем, законченным дебилом. Говорит, что с коммерсантами завязала. Почему — не объясняет. Просто все они — замороженные, ушлые и хитрые. Себе на уме. Могут подставить. А водитель Витя радуется новым кроссовкам и обожает Аньку. Считает, что ему крупно повезло. Впрочем, так оно и есть. Только вот отдыхать Анька ездит одна или с подружкой. И в гости тоже ходит одна — с Витей ходить стесняется.

Есть еще Сафронова, красotka, каких мало. Замуж не вышла — всю жизнь, со студенчества, караулит своего Бориса Сергеевича, Борюсика. Борюсик был старшим преподавателем. Зароманились. Он обещал, что уйдет из семьи. Прошло двадцать семь лет. Борюсик в семье, Сафронова на прежнем месте. Раз в год, правда, Борюсик